

THE CALL OF CTHULHU

HOWARD
PHILLIPS
LOVECRAFT

ЗОВ КТУЛХУ

ГОВАРД
ФИЛЛИПС
ЛАВКРАФТ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КНИГА НА ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА С ПЕРЕВОДОМ

А Н Г Л И Й С К И Й

BILINGUA

Р У С С К И Й

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Λ13

В настоящем издании используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии, а также иллюстрации, предоставленные по лицензии shutterstock.com.

Лавкрафт, Говард Филлипс.

Λ13 Зов Ктулху = The Call of Cthulhu / [сборник : перевод с английского] / Говард Филлипс Лавкрафт. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 400 с. — (Bilingua подарочная: иллюстрированная книга на языке оригинала с переводом).

ISBN 978-5-17-185186-6

Человечество привыкло считать себя хозяином мира, а разум — надёжной защитой от страха. Но что, если история Земли началась задолго до появления людей? Что, если в глубинах океана, среди ледяных гор и под руинами древних городов сохранились следы существ, само существование которых способно разрушить привычное представление о мире?

В настоящий сборник вошли знаменитые произведения Говарда Филлипса Лавкрафта: «Зов Ктулху», «Дагон», «Безымянный город», «Данвичский ужас» и «Хребты Безумия». Древние культы и забытые божества, загадочные руины и следы исчезнувших цивилизаций, необъяснимые находки и существа, неподвластные человеческому пониманию, становятся частью мира, где любопытство способно привести к открытиям, о которых лучше было никогда не знать.

В настоящем издании представлены полные тексты произведений на английском и русском языках, что позволяет не только погрузиться в тревожную атмосферу прозы Лавкрафта, но и сопоставить перевод с оригиналом, почувствовать особенности авторского языка и проследить, как создаётся его неповторимый мир. На страницах книги также можно увидеть работы Одилона Редона и Хью Рэнкина, а также другие иллюстрации, перекликающиеся с образами и мотивами Лавкрафта и визуально раскрывающие мрачный мир его историй.

Книга будет интересна как поклонникам классической литературы ужасов, так и тем, кто только начинает знакомство с творчеством Говарда Филлипса Лавкрафта. Это издание может стать ценным дополнением личной библиотеки и достойным подарком для ценителей мрачных тайн, древних цивилизаций и историй, после которых привычный мир уже не кажется таким безопасным.

Подарочное оформление, твердый переплет, белая бумага, иллюстрации, красивый макет и лента ляссе добавляют книге изысканность и привлекательность. Ее можно приобрести не только для своей коллекции, но и в качестве подарка дорогим и близким людям.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Перевод, Д. Афиногенов, 2016

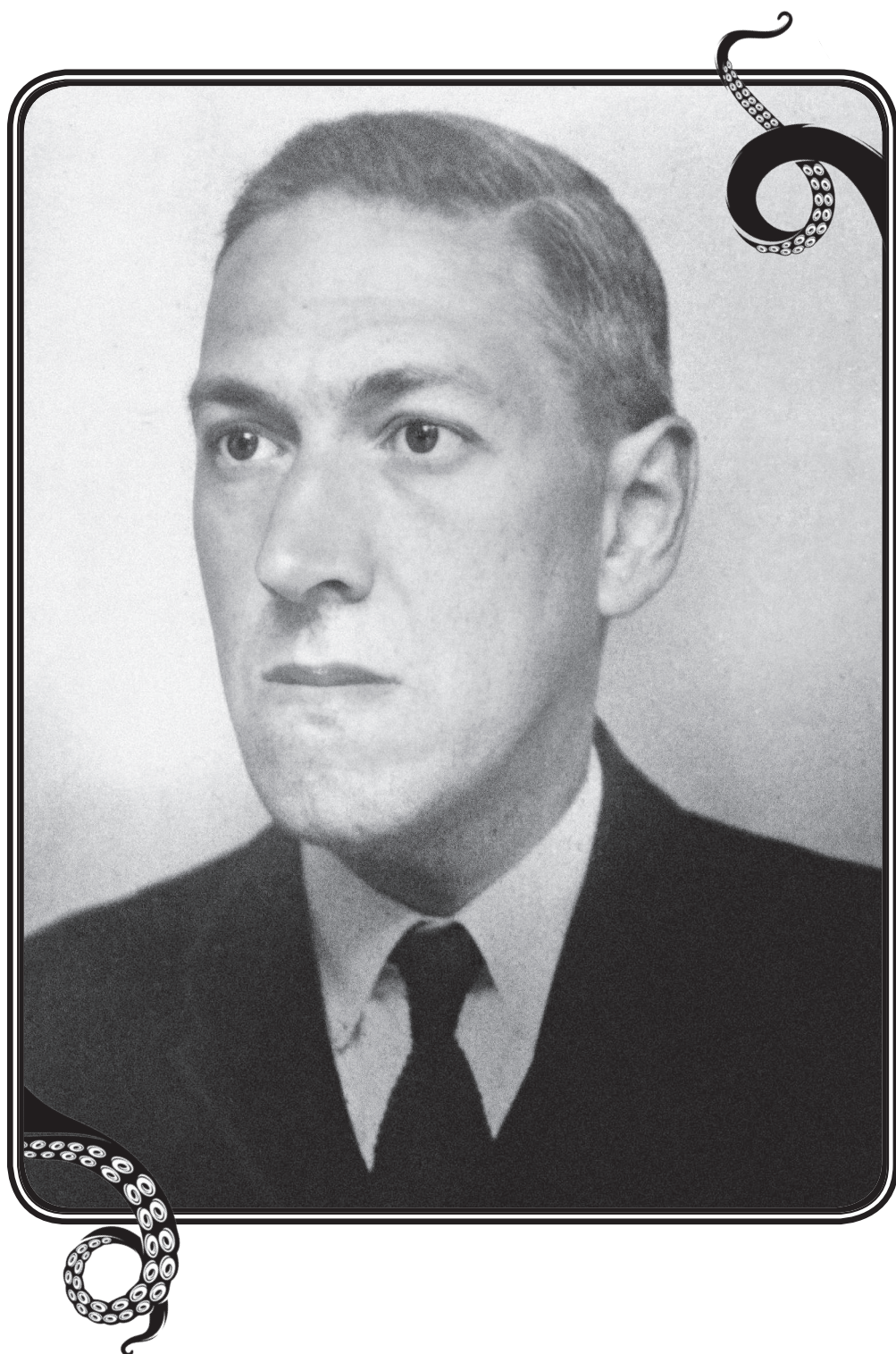
© Перевод, О. Колесников, 2016

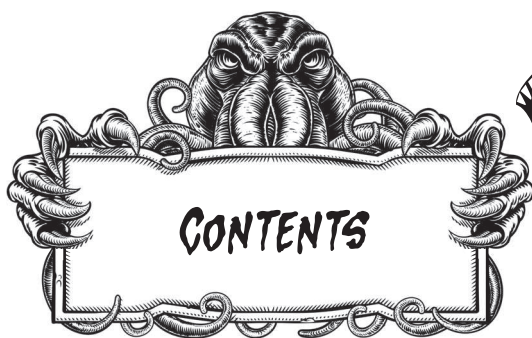
© Перевод, Ю. Соколов, 2016

© Перевод, Е. Любимова, наследники, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-185186-6

CONTENTS

THE CALL OF CTHULHU	6
I. The Horror in Clay	8
II. The Tale of Inspector Legrasse	24
III. The Madness from the Sea	49

DAGON	72
--------------------	----

THE NAMELESS CITY	84
--------------------------------	----

THE DUNWICH HORROR	108
I	110
II	117
III	124
IV	132
V	138
VI	146
VII	153
VIII	165
IX	175
X	186

AT THE MOUNTAINS OF MADNESS	196
I	197
II	215
III	248
IV	266
V	280
VI	301
VII	313
VIII	331

СОДЕРЖАНИЕ

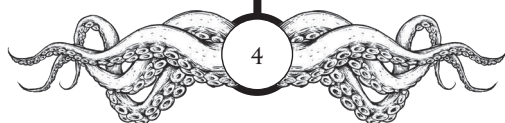
ЗОВ КТУЛХУ	6
I. Ужас, запечатленный в глине	8
II. История инспектора Леграсса	24
III. Морское безумие	49

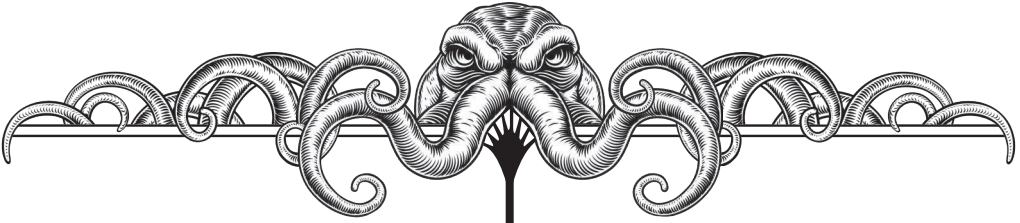
ДАГОН	72
--------------------	----

БЕЗЫМЯННЫЙ ГОРОД	84
-------------------------------	----

ДАНВИЧСКИЙ УЖАС	108
I	110
II	117
III	124
IV	132
V	138
VI	146
VII	153
VIII	165
IX	175
X	186

ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ	196
I	197
II	215
III	248
IV	266
V	280
VI	301
VII	313
VIII	331

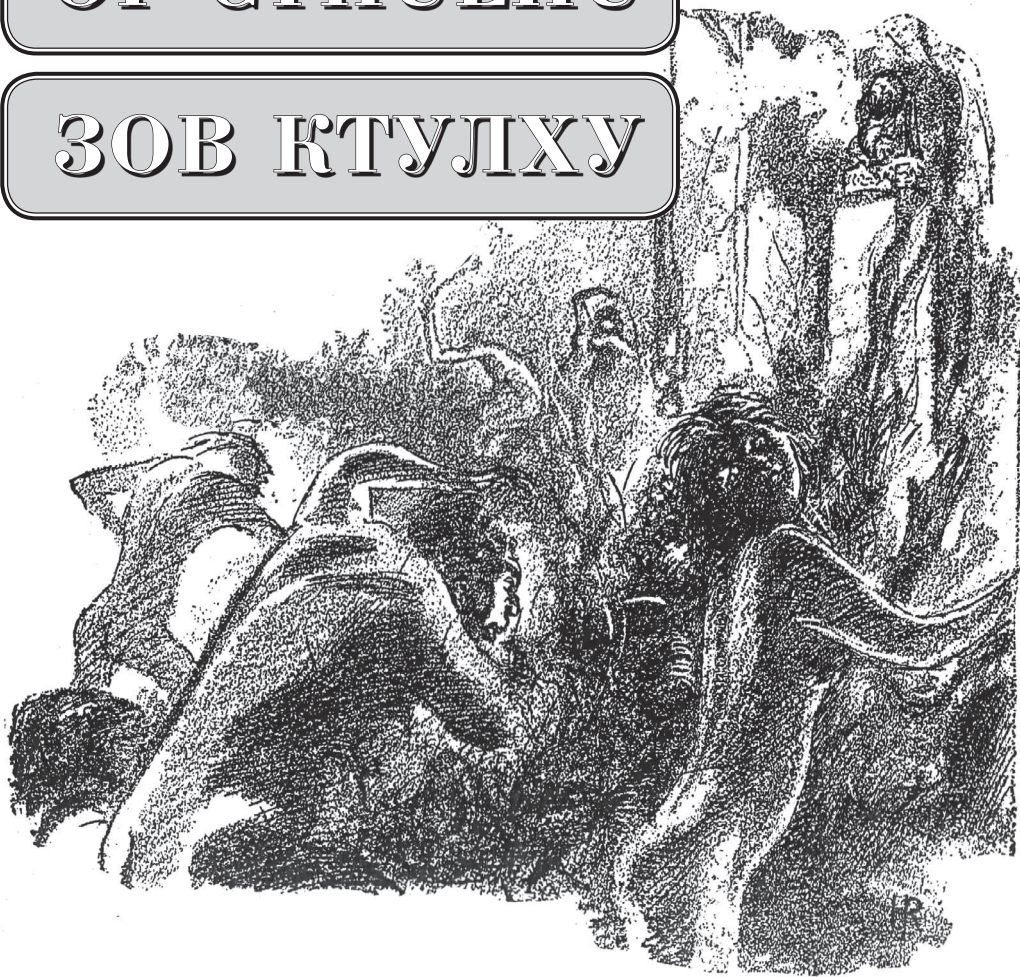
IX344
X362
XI373
XII390

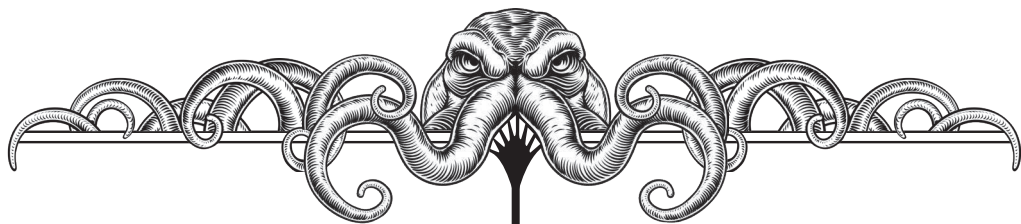
IX344
X362
XI373
XII390

THE CALL OF CTHULHU

ЗОВ КТУЛХУ

Q If such great powers or beings there may be conceivably a survival ... a survival of a hugely remote period when ... consciousness was manifested, perhaps, in shapes and forms long since withdrawn before the tide of advancing humanity ... forms of which poetry and legend alone have caught a flying memory and called them gods, monsters, mythical beings of all sorts and kinds....”

— *Algernon Blackwood.*

B полне могли сохраниться обладатели такого вот могущества или существа... уцелевшие с той невообразимо далекой эпохи, когда... носители сознания обладали такими внешними формами, какие исчезли задолго до возвышения человеческого рода... формами, эхо воспоминаний о которых проявляется в поэзии и легендах, где они зовутся богами, чудовищами и мифическими существами всевозможных разновидностей...

Элджернон Блэквуд

I. THE HORROR IN CLAY

The most merciful thing in the world, I think, is the inability of the human mind to correlate all its contents. We live on a placid island of ignorance in the midst of black seas of infinity, and it was not meant that we should voyage far. The sciences, each straining in its own direction, have hitherto harmed us little; but some day the piecing together of dissociated knowledge will open up such terrifying vistas of reality, and of our frightful position therein, that we shall either go mad from the revelation or flee from the deadly light into the peace and safety of a new dark age.

Theosophists have guessed at the awesome grandeur of the cosmic cycle wherein our world and human race form transient incidents. They have hinted at strange survivals in terms which would freeze the blood if not masked by a bland optimism. But it is not from them that there came the single glimpse of forbidden eons which chills me when I think of it and maddens me when I dream of

I. УЖАС, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ В ГЛИНЕ

Величайшее милосердие мироздания, на мой взгляд, заключается в том, что человеческий разум не способен охватить и связать воедино все, что наш мир в себя включает. Мы обитаем на спокойном островке невежества посреди темного моря бескрайних знаний, и вовсе не следует плавать на далекие расстояния. Науки, каждая из которых уводит в своем направлении, пока что причиняют нам не очень много вреда; но однажды объединение разрозненных доселе обрывков знания откроет перед нами такой ужасающий вид на реальную действительность, что мы либо потеряем рассудок от этого откровения, либо постараемся укрыться от губительного просветления под покровом нового средневековья.

Теософы высказали догадку о внушающем благоговейный страх великом космическом цикле, в котором весь наш мир и человеческая раса — лишь кратковременный эпизод. От их намеков на странные проявления давно минувшего кровавыла бы в жилах, не будь они выражены в терминах, прикрывающих все успокоительным оптимизмом. Однако не теософы дали мне возможность бросить

it. That glimpse, like all dread glimpses of truth, flashed out from an accidental piecing together of separated things — in this case an old newspaper item and the notes of a dead professor. I hope that no one else will accomplish this piecing out; certainly, if I live, I shall never knowingly supply a link in so hideous a chain. I think that the professor, too, intended to keep silent regarding the part he knew, and that he would have destroyed his notes had not sudden death seized him.

My knowledge of the thing began in the winter of 1926-27 with the death of my grand-uncle, George Gammell Angell, Professor Emeritus of Semitic languages in Brown University, Providence, Rhode Island. Professor Angell was widely known as an authority on ancient inscriptions, and had frequently been resorted to by the heads of prominent museums; so that his passing at the age of ninety-two may be recalled by many. Locally, interest was intensified by the obscurity of the cause of death. The professor had been stricken whilst returning from the Newport boat; falling suddenly, as witnesses said, after having been jostled by a nautical-looking negro who had come from one of the queer dark courts on the precipitous hillside which formed a short cut from

мимолетный взгляд в те запретные эпохи, и теперь дрожь пробирает меня по коже, когда я об этом думаю, и охватывает безумие, когда я вижу это во сне. Этот мимолетный взгляд, как и все прочие грозные проблески истины, был вызван случайным соединением разрозненных фрагментов — в данном случае одной старой газетной статьи и записок умершего профессора. Надеюсь, что никому больше не суждено подобное совпадение; во всяком случае, если я выживу, то постараюсь не добавить дополнительных звеньев к этой ужасающей цепи. Думаю, что и профессор имел намерение хранить в тайне то, что узнал, и только внезапная смерть помешала ему уничтожить свои записи.

Первое мое прикосновение ко всему этому случилось зимой 1926/27 года, когда умер мой двоюродный дед, Джордж Геммел Анджелл, специалист по семитским языкам, заслуженный профессор в отставке Брауновского университета в Провиденсе, Род-Айленд. Профессор Анджелл был широко известным специалистом по древним письменам, и к его помощи нередко обращалось руководство крупнейших музеев; поэтому его смерть в возрасте девяноста двух лет не прошла незамеченной. Интерес к этому событию оказался усилен загадочными обстоятельствами его кончины. Смерть настигла профессора, когда он возвращался домой от пароходного причала в Ньюпорте; свидетели утверждали, что он упал, столкнувшись с каким-то моряком-негром,

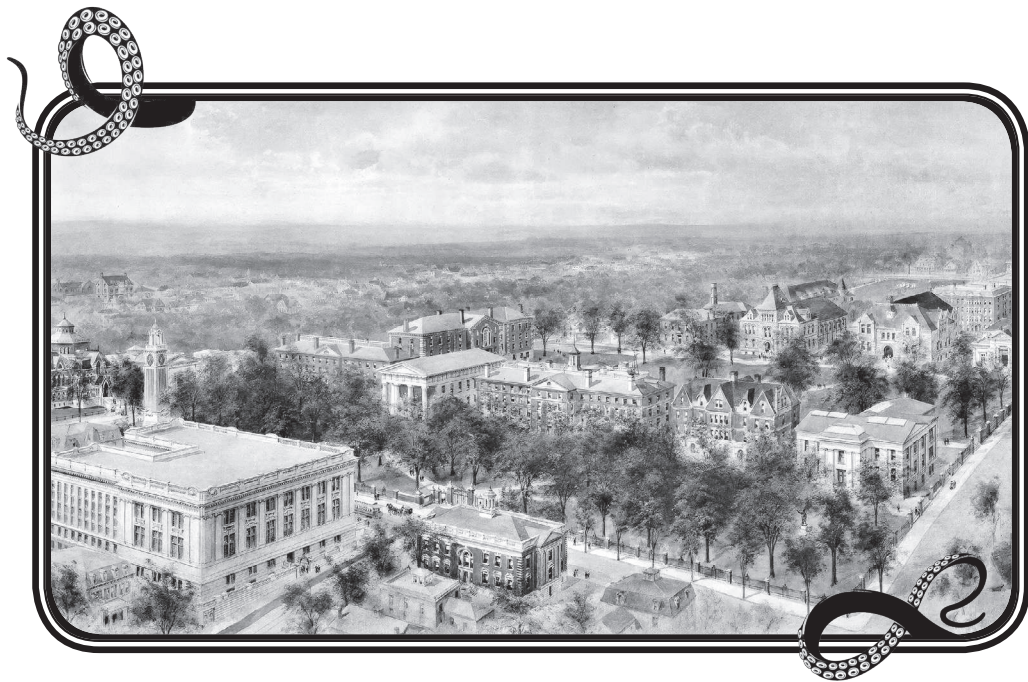
the waterfront to the deceased's home in Williams Street. Physicians were unable to find any visible disorder, but concluded after perplexed debate that some obscure lesion of the heart, induced by the brisk ascent of so steep a hill by so elderly a man, was responsible for the end. At the time I saw no reason to dissent from this dictum, but latterly I am inclined to wonder — and more than wonder.

As my granduncle's heir and executor, for he died a childless widower, I was ex-

внезапно выскочившим из прохода в один подозрительный мрачный двор, каких много выходило на крутой склон холма, по которому пролегал кратчайший путь от побережья до дома покойного на Уильямс-стрит. Врачи не нашли на теле никаких следов насилия и, после долгих и полных недоумения дебатов, пришли к заключению, что смерть наступила вследствие чрезмерной нагрузки на сердце из-за подъема столь пожилого человека по крутому склону холма. В то время я не видел причин сомневаться в этом вердикте, но с некоторых пор сомнения у меня появились — и даже не просто сомнения.

Как наследник и душеприказчик своего двоюродного деда, умершего без-

pected to go over his papers with some thoroughness; and for that purpose moved his entire set of files and boxes to my quarters in Boston. Much of the material which I correlated will be later published by the American Archeological Society, but there was one box which I found exceedingly puzzling, and which I felt much averse from showing to other eyes. It had been locked, and I did not find the key till it occurred to me to examine the personal ring which the professor carried always in his pocket. Then, indeed, I succeeded in opening it, but when I did so seemed only to be confronted by a greater and more closely locked barrier. For what could be the meaning of the queer clay bas-relief and the disjointed jottings, ramblings, and cuttings which I found? Had my uncle, in his latter years, become credulous of the most superficial impostures? I resolved to search out the eccentric sculptor responsible for this apparent disturbance of an old man's peace of mind.

The bas-relief was a rough rectangle less than an inch thick and about five by six inches in area; obviously of modern origin. Its designs, however, were far from modern in atmosphere and suggestion; for, although the vagaries of cubism and futurism are many and wild, they do not often reproduce that cryptic regularity which lurks in prehistoric writing. And writing of some kind the bulk of these designs seemed certainly to be; though my memory, despite much

детным вдовцом, я, предположительно, должен был тщательно изучить его архивы, и с этой целью перевез все его папки и коробки к себе в Бостон. Большая часть отобранных мною материалов была опубликована затем Американским археологическим обществом, но оставался еще один ящик, содержимое которого я счел наиболее загадочным и не хотел показывать никому. Он был заперт, и мне не удавалось найти ключ, пока я наконец не догадался осмотреть личную связку ключей профессора, которую тот носил с собой в кармане. Наконец ящик удалось открыть, но, сделав это, я столкнулся с новыми, более сложными загадками. Ибо как мне было понять значение обнаруженного там странного глиняного барельефа, разрозненных записок и газетных вырезок? Неужели мой дед на старости лет оказался подвержен самым примитивным суевериям? Я решил для начала найти чудаковатого скульптора, ответственного за помутнение рассудка старого ученого.

Барельеф представлял собой неправильный четырехугольник толщиной менее дюйма и площадью примерно пять на шесть дюймов, явно современного происхождения. Однако запечатленное на нем никак не соотносилось с современным искусством ни по духу, ни по замыслу; ибо, при всем буйном разнообразии кубизма и футуризма, в них редко воспроизводится та загадочная систематичность, что таится в доисторических письменах. А в надписи этого барельефа

familiarity with the papers and collections of my uncle, failed in any way to identify this particular species, or even hint at its remotest affiliations.

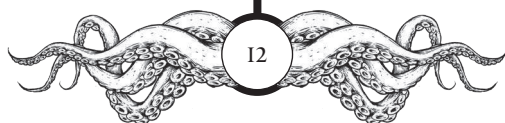
Above these apparent hieroglyphics was a figure of evidently pictorial intent, though its impressionistic execution forbade a very clear idea of its nature. It seemed to be a sort of monster, or symbol representing a monster, of a form which only a diseased fancy could conceive. If I say that my somewhat extravagant imagination yielded simultaneous pictures of an octopus, a dragon, and a human caricature, I shall not be unfaithful to the spirit of the thing. A pulpy, tentacled head surmounted a grotesque and scaly body with rudimentary wings; but it was the general outline of the whole which made it most shockingly frightful. Behind the figure was a vague suggestion of a Cyclopean architectural background.

The writing accompanying this oddity was, aside from a stack of press cuttings, in Professor Angell's most recent hand; and made no pretense to literary style. What seemed to be the main document was headed "CTHULHU CULT" in characters painstakingly printed to avoid the erroneous reading of a word so unheard-of. This manuscript was divided into two sections, the first of which was headed "1925 — Dream and

она безусловно присутствовала, хотя я, несмотря на знакомство с бумагами моего деда и его коллекцией древних рукописей, не смог сопоставить ее с каким-либо конкретным источником или хотя бы сделать предположение о связи с какой-то культурой.

Над выполненной странными значками надписью располагалась фигура, несомненно плод фантазии художника, хотя импрессионистская манера исполнения мешала точнее понять, на что он намекает. Это было некое чудовище, или символическое представление о чудовище, или просто порождение больного воображения. Если я скажу, что в моем воображении, тоже несколько экстравагантном, возникли одновременно образы осьминога, дракона и пародии на человека, то, мне кажется, смогу передать дух этого создания. Непропорционально большая голова, снабженная щупальцами, венчала нелепое чешуйчатое тело с недоразвитыми крыльями; причем именно общее впечатление от этой фигуры делало ее пугающе ужасной. На заднем плане угадывались некие циклопические постройки.

Вместе с этим барельефом в ящике хранились газетные вырезки и заметки, написанные профессором Анджеллом без претензий на литературный стиль, судя по всему, в последние годы жизни. Предположительно главный документ был озаглавлен «КУЛЬТ КТУЛХУ», причем буквы были выписаны старательно, вероятно, во избежание неправильного прочтения такого необычного слова. Эта

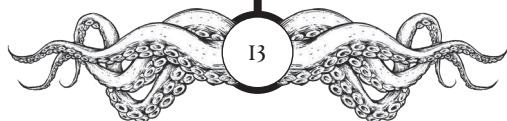
Dream Work of H. A. Wilcox, 7 Thomas St., Providence, R. I.," and the second, "Narrative of Inspector John R. Legrasse, 121 Bienville St., New Orleans, La., at 1908 A. A. S. Mtg — Notes on Same, & Prof. Webb's Acct." The other manuscript papers were all brief notes, some of them accounts of the queer dreams of different persons, some of them citations from theosophical books and magazines (notably W. Scott-Elliott's *Atlantis and the Lost Lemuria*), and the rest comments on long-surviving secret societies and hidden cults, with references to passages in such mythological and anthropological source-books as Frazer's *Golden Bough* and Miss Murray's *Witch-Cult in Western Europe*. The cuttings largely alluded to *outré* mental illnesses and outbreaks of group folly or mania in the spring of 1925.

The first half of the principal manuscript told a very peculiar tale. It appears that on March 1st, 1925, a thin, dark young man of neurotic and excited aspect had called upon Professor Angell bearing the singular clay bas-relief, which was then exceedingly damp and fresh. His card bore the name of Henry Anthony Wilcox, and my uncle had recognized him as the youngest son of an excellent family slightly

рукопись состояла из двух частей, первая из которых имела заглавие «1925 — Видения и творчество по мотивам видений Г. Э. Уилкокса, Томас-стрит, 7, Провиденс, Род-Айленд», а вторая — «Рассказ инспектора Джона Р. Леграсса, Бьенвилль-стрит, 121, Новый Орлеан, Луизиана, о событ. 1908 г.; заметки о них же + свид. проф. Уэбба». Остальные рукописные заметки были короткими, они содержали описание весьма необычных сновидений различных людей, выписки из теософских книг и журналов (в особенности из книги У. Скотта-Эллиота «Атлантида и исчезающая Лемурия»), а также сведения о наиболее долго существовавших тайных обществах и секретных культах со ссылками на такие мифологические и антропологические источники, как «Золотая ветвь» Фрезера и «Культе ведьм в Западной Европе» мисс Мюррей. Газетные вырезки содержали в основном описания случаев особо причудливых психических расстройств, вспышек группового помешательства и внезапно возникших маний весной 1925 года.

Первый раздел основной рукописи содержал довольно необычную историю. Началась она 1 марта 1925 года, когда к профессору Анджеллу явился худой темноволосый молодой человек, на вид взволнованный и возбужденный, принес с собой глиняный барельеф, совсем свежий и потому еще влажный. На его визитной карточке значилось «Генри Энтони Уилкоккс», и мой дед узнал младшего сына довольно известной семьи,

known to him, who had latterly been studying sculpture at the Rhode Island School of Design and living alone at the Fleur-de-Lys Building near that institution. Wilcox was a precocious youth of known genius but great eccentricity, and had from childhood excited attention through the strange stories and odd dreams he was in the habit of relating. He called himself “psychically hypersensitive”, but the staid folk of the ancient commercial city dismissed him as merely “queer”. Never mingling much with his kind, he had dropped gradually from social visibility, and was now known only to a small group of esthetes from other towns. Even the Providence Art Club, anxious to preserve its conservatism, had found him quite hopeless.

On the occasion of the visit, ran the professor’s manuscript, the sculptor abruptly asked for the benefit of his host’s archeological knowledge in identifying the hieroglyphics on the bas-relief. He spoke in a dreamy, stilted manner which suggested pose and alienated sympathy; and my uncle showed some sharpness in replying, for the conspicuous freshness of the tablet implied kinship with anything but archeology. Young Wilcox’s rejoinder, which impressed my uncle enough to make him recall and record it verbatim, was of a fantastically poetic cast which

который в последнее время изучал скульптуру в Художественной школе Род-Айленда и проживал один в апартаментах во Флер-де-Лиз-Билдинг, неподалеку от места своей учебы. Уилкокс, не по годам развитый юноша, известный своим талантом и крайними чудачествами, с раннего детства интересовался странными историями и часто видел удивительные сновидения, о которых имел привычку рассказывать. Себя он называл «психически сверхчувствительным», а добропорядочные степенные консервативные обитатели старого коммерческого района полагали его просто чудачком и не воспринимали всерьез. Почти не общаясь с людьми своего круга, он постепенно исчез из поля зрения общества и теперь был известен лишь небольшой группе эстетов из других городов. Даже Клуб искусств Провиденса, стремящийся сохранять свою консервативность, полагал его почти безнадежным.

Целью своего визита, как сообщала рукопись профессора, скульптор без всякого вступления назвал желание воспользоваться археологическими познаниями известного специалиста и попросил помочь ему разобраться в надписи непонятными значками под барельефом. Говорил он в мечтательной и высокопарной манере, которая намекала на склонность к позерству и не вызвала симпатии, и мой дед ответил ему довольно резко, ибо подозрительная свежесть изделия свидетельствовала о том, что оно наверняка не имеет никакого отношения к ар-

